

**ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЖАНРА БАЛЛАДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII-XX ВВ.****Форостецкая Анна Александровна**

студент, Ставропольский государственный педагогический институт, РФ, г. Ставрополь

**Фокин Александр Алексеевич**

научный руководитель, д-р филол. наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, Ставропольский государственный педагогический институт, РФ, г. Ставрополь

**Аннотация.** В статье предпринят анализ эволюции жанра русской баллады в периоды развития романтизма, реализма и модернизма. Целью исследования является комплексный анализ этапов и жанровая характеристика феномена русской баллады. Рассмотрены поворотные главные черты, специфика и поворотные моменты, приведшие к трансформации жанра. Выявлена закономерная связь между синтезом мотивов русского фольклора, христианской традиции и немецкой готики в раннем творчестве В.А. Жукова и появлением самостоятельных свойств русской баллады. Уточнены тенденции складывания двоемирия в русской балладе начала XX в. и их спецификация в послевоенное время. Сделан вывод об окончательном разрыве с традицией русской баллады XIX в. только в конце XX в., исходя из жанровых особенностей произведений популярных советских писателей и писателей-эмигрантов. Показаны некоторые пути развития русской постмодернистской баллады на примере творчества И.А. Бродского. Результаты исследования свидетельствуют о самобытной форме реализации русской и русско-советской баллады, что особенно заметно в контексте рассмотрения творчества писателей и поэтов-романтиков XIX в., и не менее – бардов и поэтов-шестидесятников.

**Ключевые слова:** русская баллада, фольклор, романтизм, реализм, модернизм.

**Введение.** Проблема исследования жанровой характеристики в эволюции русской баллады всегда оставалась значимой в отечественной историографии: ей интересовались все, от самих поэтов и писателей, журналистов и художественных критиков – до филологов и литературоведов. Несмотря на почти полную сформированности теоретико-методической и практической базы исследований данной тематики, малоизученным и в известном смысле спорным продолжает оставаться вопрос о тенденциях развития русской баллады с ее уникальной спецификой на протяжении XVIII-XX вв.

Противоречивое состояние научной изученности темы русских баллад постклассического, романтического и реалистического периодов обуславливает актуальность исследования. В этом ключе раскрытие механизма функционирования баллад таких творческих личностей, как В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, А.К. Толстой и В.В. Высоцкий представляется аксиологически значимой задачей с позиции современных подходов в литературоведении. Перспектива дальнейших исследований отражает академическую сторону практической значимости, тогда как в методическом смысле результаты статьи можно использовать на уроках по «Литературе» и «Русскому языку» в школе, а также на занятиях по различным литературоведческим дисциплинам в высшем образовательном учреждении.

**Методология.** Путь развития русской баллады и трансформация ее жанровых характеристик соотносятся с теми особенностями выразительности, образности и техничности текста, которые изменялись и дополнялись, начиная от «Неверности» (1781) М. Н. Муравьева и «Громвал» (1798, 1803) Г.П. Каменева до баллад (1808-1833) В.А. Жуковского, сформировав первый целостный прототип баллады на манер русского поэта-романтика.

Иное дело – модернистская традиция поэтов начала XX в. и социалистический реализм советских писателей, опиравшихся, с одной стороны на реализм А.С. Пушкина, минуя «сказочную» составляющую, а, с другой, на попытки синтетического обособления балладной поэтики – смешение жанра баллады с другими формами (поэтические новеллы, легенды, прозаические повести, лирические медитации).

Методически доказано, что жанр русской баллады начинает формироваться в конце XVIII в. Это было связано с именами М. Н. Муравьева и Г.П. Каменева, экспериментировавшими в ходе своей переводческой деятельности с античными формами. Именно поэтому считается, что первые русские баллады являлись по своей структуре скорее псевдоклассическими, а не романтическими. В.А. Жуковский, А.К. Толстой и другие поэты XIX в. потянулись за побочными линиями развития жанра, передав свое видение европейской баллады, уходящей корнями в эпические произведения Гомера, Гесиода, Вергилия и Катулла.

Такого подхода придерживался советский филолог-русист Д.М. Балашов. Вслед за классиком, мы также считаем верным характеристику русской баллады как эпической песни с выделяющимися синтетическими мотивами, постепенным отказом от античной, европейской традиций в пользу особого русского и позже советского реализма (семейно-бытовой и повседневной тематики), который подчеркивал значимый трагический конфликт и/или финал произведения. Д.М. Балашов выделял два типа русских баллад – исторические песни и духовные стихи. По видовому признаку исторические песни подразделяются на исторические, военные и социально-бытовые; духовные стихи включают в себя семейно-бытовые, собственно эпические, комические и «мещанские», зародившиеся в творчестве романтиков [2, с. 15].

Исходя из объекта и избранного подхода, в методологический аппарат исследования были включены следующие литературоведческие методы: феноменологический метод, культурно-исторический метод, метод литературной герменевтики, метод мотивного анализа, сравнительный метод, структурный метод, формальный метод, функциональный метод. Вспомогательными методами выступают социологические: контент-анализ и метод идеальных типов.

**Баллады конца XVIII – XIX вв.** Существует две главные точки зрения на особенности возникновения первых русских баллад. Первая точка зрения, которой придерживался в том числе Д.М. Балашов, отсылает нас к творчеству М.Н. Муравьева и Г.П. Каменева, которые на основе переводов иностранных стихов попытались создать собственные баллады – «Неверность» (1781) и «Громвал» (1798, 1803) соответственно [2].

Данный тезис Д.М. Балашов подкрепляет двумя аргументами. Во-первых, обе баллады можно считать самостоятельными произведениями, поскольку они имеют собственный сюжет. Во-вторых, несмотря на то, что М.Н. Муравьев и Г.П. Каменев находились под влиянием классицизма и готики, европейского неоромантизма, стилистический компонент баллад по своим основным характеристикам практически ничем не отличается от русского романтизма и традиции сочинения баллад, которую заложили Г.Р. Державин и А.П. Сумароков [2, с. 17].

Второй точки зрения придерживалась О.В. Богданова, полагавшая, что русская баллада имела длительную историю становления, но была полностью оформлена как жанр только в творчестве А.В. Жукова. Автор, соглашаясь с мнением исследовательницы, может привести два аргумента. Прежде всего, попытка Д.М. Балашова «приравнять» развития жанра русской и европейской баллады, сравнивая «Неверность» и «Громвал» с «Ленорой» (1771) Г.А. Бюргера, не имеет научной обоснованности: сюжет трех произведений, где протагонист забирает к себе тоскующую невесту чужд русскому фольклору и поэзии XVIII в., что наводит на мысль о подражании, а не о формировании балладной традиции [3].

Так, вольные переводы М.Н. Муравьева и Г.П. Каменева вполне можно сравнить с «Чином сочинения и освящения мира» (1683) иеромонаха Кариона, – это произведение содержит все элементы баллады, но сохраняет элементы русского фольклора и, что более важно, картину мира российского поэта-созерцателя XVIII-XIX вв., не понимавшего педантичность и метафорическую скованность бюргеровской «Леноры», что верно подмечает Л.Н. Корнильева [10].

Эти факторы влияния становятся очевидными при более детальном изучении поэм А.В. Жуковского, А.К. Толстого и А.С. Пушкина.

В балладе «Людмила» (1808) А.В. Жуковский превратил героев немецкой легенды в «русских девиц», представив свое видение «атмосферы таинственного», свойственной для немецко-английской готики и оссианизма. Но, в отличие от М.Н. Муравьева и Г.П. Каменева, В.А. Жуковский поставил во главу угла народную культуру, он не пытался перенять творческие черты зарубежных писателей, а только взял за основу структуру сюжета. Главная героиня баллады ропщет на бога из-за гибели жениха, в ожидании «...полночного часа» Людмила теряет надежду, восстает против провиденса. В развязке мертвый жених забирает Людмилу с собой в сырую землю [8]. Свойственные даже для основоположника готического направления в литературе Х. Уолпола элементы повествования В.А. Жуковский переводит на религиозную тематику: «Смертных ропот безрассуден; / Царь всевышний правосуден; / Твой услышал стон творец; / Час твой бил, настал конец» [8, с. 16].

Баллады поэтов конца XVIII в. Н.М. Карамзина и Н.А. Львова были достаточно далеки от традиций народной баллады, возникшей еще в период «Осени Средневековья». Они предпочитали «синтетическую» скандинаво-славяно-варяжскую мифологию, и то же было свойственно для поэм с элементами баллады Г.Р. Державина. Но именно В.А. Жуковский открыл настоящую балладу для российского общества. В.А. Жуковский писал баллады с 1808 по 1833 г. Всего им создано было создано 36 произведений данного жанра. Он переложил готическую тематику на религиозную, а граф А.К. Толстой – на народную [8]. В поэмах А.К. Толстого «Курган» (1840-е), «Василий Шибанов» (1840-е), «Илья Муромец» (1871), «Садко» (1871-1872) [13] угадывается манящая лирическая составляющая, за которой последователи Н.А. Некрасов и М.Ю. Лермонтов в своих балладах. Но настоящего успеха добился А.С. Пушкин. В числе его баллад: «Что ты, девица, грустна...» (1819), «Песнь о вещем Олеге» (1822), «Жених» (1825), «В еврейской хижине лампада...» (1826), «Жил на свете рыцарь бедный» (1829), «Гусар» (1833), переводные из А. Мицкевича «Воевода» и «Будрыс и его сыновья» (1833), «Песни западных славян» (1834), «Альфонс садится на коня...» (1841) [11].

Баллады А.С. Пушкина не перестают быть актуальными по своей проблематике и на сегодняшний день. В них автор умело сочетал сказочные мотивы и реалистические тенденции развития общественных отношений [11]. Поэты начала XX в. и позже советские литераторы отказались от «сказки» ради более глубокого понимания трагизма повседневной жизни, который может быть передан с помощью баллады [2]. Так, например, А.А. Ахматова в балладах «Библийские стихи» (1920-е) и «Античная страничка» (1961) заново открыла двоемирие художественного текста, последовав за своим духовным учителем И.Ф. Анненским [1]. То же, но на свою манеру, сделала восхищавшаяся творчеством А.А. Ахматовой М.И. Цветаева в «Балладе о проходимке» (1920) и цикле «Ондра Лысогорский» (1920-е) [14].

Завершающей стадией эволюции русской баллады стала героизация событий Великой Отечественной войны в творчестве поэтов-шестидесятников Е.А. Евтушенко, Р.И. Рождественского, А.А. Вознесенского, Б.А. Ахмадулиной и Б.Ш. Окуджавы, а также часто соотносимого с ними В.В. Высоцкого. В качестве примера можно привести две баллады А.А. Вознесенского: «Баллада 41-го года» (1960) и «Баллада точки» (1967), повествующие о попытках осмыслить значимость подвига русских солдат на фронте. В своей необычной поэтической манере А.А. Вознесенский передает восхищение и ужас, которые у него вызывают мысли о событиях 1941-1945 гг. [6]. Надо признать, что В.С. Высоцкий в этом плане более прямо и возвышенно описывает образ героев, возвращаясь к романтическому опыту описания рыцарских подвигов. Это особенно заметно в «Балладе о борьбе» (1975), «Балладе о вольных стрелках» (1975) и «Балладе о любви» (1975) [7].

Что касается опытов русской баллады второй половины XX в., то здесь важно выделить

творчество трех писателей и поэтов. Первый среди них – Ф.А. Искандер, запечатлевший в «Балладе высоты» (1968) красоту Северного Кавказа [9]. Второй – Л.В. Лосев, который в своей «Невидимой балладе» (2000-2001) попытался осмыслить возвращение веры в душу бывших советских граждан, рост на почве атеистического материала христианских ценностей. Для этих баллад свойственна особая лироэпической разновидности, где героическая самоотверженность уступает мечтательности и тоске [12, с. 370].

Нельзя обойти стороной и отдельное направление русской баллады, сформировавшееся в среде эмиграции [5]. Ярчайшим примером в данном случае является творчество И.А. Бродского, а именно его ранние баллады в контексте лермонтовской традиции – «Ты поскачешь во мраке, по бескрайним холодным полям...» (1962) и «Баллада о маленьком буксире» (1962), а также поздние баллады, пропитанные духом странничества и постмодернистским гиперреализмом [4]. Произведение «Подруга, дурнея лицом...» (1992) сама посвящена критике баллады, но, при этом, дает возможность переосмыслить многие сильные и слабые стороны данного жанра, о чем и рассуждает главный герой, «уставший рыцарь», мечтающий вновь встретить возлюбленную [4; 5].

**Заключение.** Подводя итоги, отметим, что баллада на рубеже XVIII-XIX вв. стала одним из самых интенсивно развивающихся жанров российской поэзии. Она прошла продолжительный путь от чрезмерных немецко-английских заимствований и подражаний античным поэтам – до создания самостоятельного жанра, основанного на христианской вере и русском фольклоре. Для русской баллады XIX в. были характерны мифолого-фантастические элементы и крайняя героизация протагониста, с символическими качествами и свойствами. Умышленная стилизация под фольклор не исчезла и в первой половине XX в., зато было открыто двоемирие романтико-реалистичной и мифолого-символической баллады. Представители школы «чистого искусства» заложили основу баллады, декламировавшей принципы социалистического реализма, которые существенно изменились во второй половине XX в., когда героизация участников ВОВ вновь привела к возвращению образа «благородного рыцаря». Коренной перелом произошел в 90-е гг. XX в. С этого момента русская баллада приобрела самые разнородные синтетические черты, а представители эмиграции, запрещенные в СССР поэты и писатели, новые символисты, постмодернисты окончательно размыли границы жанра.

### **Список литературы:**

1. Ахматова А.А. Малое собрание сочинений / Анна Андреевна Ахматова. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 624 с.
2. Балашов Д. М. Русская народная баллада // Народные баллады / Общ. ред. А. М. Астаховой. – 2-е изд. – М.: Советский писатель, 1963. – 447 с.
3. Богданова, О. В. Конфликт «меланхолический» и «скорбный» (баллада В. А. Жуковского «Людмила») / О. В. Богданова // Вестник Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля. серия: филологические науки. – 2017. – № 2(14). – С. 114-122. – EDN VQBQDB.
4. Бродский И.А. Малое собрание сочинений / Иосиф Александрович Бродский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 880 с.
5. Верина, У. Ю. Обновление жанра баллады в русской поэзии рубежа XX-XXI вв / У. Ю. Верина // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. – 2017. – Т. 27, № 2. – С. 229-239. – EDN YNTVHF.
6. Вознесенский А.А. Малое собрание сочинений / Андрей Андреевич Вознесенский. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 608 с.
7. Высоцкий В.С. Малое собрание сочинений / Владимир Семенович Высоцкий. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 606 с.
8. Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. Т. 3. Баллады / сост. и ред. Н. Ж. Ветшева.

– М.: Языки русской культур, 2008. – 456 с.

9. Искандер Ф.А. Малое собрание сочинений / Фазиль Абдулович Искандер. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 672 с.

10. Корнильева, Л. Н. Особенности восприятия «страшных» баллад Саути на русской почве / Л. Н. Корнильева // Вопросы русской литературы. – 2014. – № 30(87). – С. 173-192. – EDN WJTLBR.

11. Пушкин А.С. Малое собрание сочинений / Александр Сергеевич Пушкин. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 768 с.

12. Страшные стихи / сост. Дмитрий Быков, Юлиана Ульянова. – М.: Издательство «Э», 2016. – 640 с.

13. Толстой А.К. Малое собрание сочинений / Алексей Константинович Толстой. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 512 с.

14. Цветаева М.И. Малое собрание сочинений / Марина Ивановна Цветаева. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 864 с.